

УДК 13

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-19-35

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА: УСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛЯ СМЫСЛА. СТАТЬЯ II

Ильин В. В.¹, Кокоева И. А.¹, Родин П. Н.¹, Шимко А. В.¹, Яловенко Я. В.²

¹ Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, Калужский филиал
248000, г. Калуга, ул. Баженова, д. 2, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Эксплицировать существо установления смысла в герменевтической процедуре.

Процедура и методы. Соотносительные техники коррелирования образно-выразительных контекстов с релевантными информационными полями.

Результаты. Показано: содержательное наполнение абстракций осуществляется проекцией информационно-образного измерения мысли на предметно-вещные реалии с использованием специфических приёмов – атрибуции; предикации; эссенциализации; реификации; дескрипции; характеристики; интерпретации; моделирования; онтологизации; операционализации; объективации; верификации; остенсивизации и др.

Теоретическая и/или практическая значимость. Критико-аналитическое исследование производимых продуктивным расширяющим синтезом инноваций подводит к необходимости учёта их внутренней архитектуры (конституция, конфигурация, композиция и проч.) в качестве маркера познавательной состоятельности.

Ключевые слова: значение, интерпретация, понимание, смысл, текст

SEMANTIC PROCEDURE: ESTABLISHING THE FIELD OF MEANING. ARTICLE II

V. Ilyin¹, I. Kokoeva¹, P. Rodin¹, A. Shimko¹, Ya. Yalovenko²

¹ State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

² Moscow State Technical University named after N. E. Bauman (Kaluga branch)
ul. Bazhenova 2, Kaluga 248000, Russian Federation

Abstract

Aim. To explicate the essence of establishing meaning in a hermeneutic procedure.

Methodology. Correlative techniques for correlating figurative and expressive contexts with relevant information fields were applied in the research.

Results. It is shown that the meaningful filling of abstractions is carried out by the projection of the information-figurative dimension of thought on the subject-matter realities using specific techniques: attribution; predication; essentialization; reification; description; characterization; interpretation; modeling; ontologization; operationalization; objectification; verification; ostensitization, etc.

Research implications. A critical and analytical study of innovations produced by a productive expanding synthesis leads to the need to consider their internal architecture (constitution, configuration, composition, etc.) as a marker of cognitive viability.

Keywords: meaning, interpretation, understanding, sense, text

Введение

Смысл – содержание утверждений, пространство мысленных достояний; в более приземлённой формулировке – множество признаков, относимых к именам. В процедурном аспекте конституируется специфическими техниками, изучаемыми аппаратом лингвистической, логической, философской (гносеологической) семантики. Рассмотрим их по возможности более тщательно.

Лингвистическая семантика

Лингвистическая семантика устанавливает смысл по знаковой оболочке выражаемого – характеру языковой фиксации идей, изобразительно-выразительному оформлению мыслей. Инструментами на-полнения высказываний лингвистическим смыслом служат отработанные принципы идентификации компонентов объективации мыслительного материала через язык в отнесении к релевантным разрядам.

Язык как деятельность (коммуникация): фонологический, артикуляционный, интонационно-мелодический, аффектационный, эмфатический, эмотивный, поведенческий – ситуационный – фон излагаемого с отношением к происходящему в разных системах квалификаций и уяснений по способам репрезентации (языковая, речевая подача), ориентации (отнесение к целям), фасцинации (отнесение к ценностям).

Язык как продукт деятельности (текст):

- морфологический пласт: характер словообразования, изменения (статус префиксальных, суффиксальных, флексивных, служебных групп и т. д.);

- синтаксический пласт: характер словосочетаний, композиции предложений;

- лексический пласт: характер изъяснения (узуальность – окказиональность, экспрессивность; использование профессионализмов, диалектизмов, арготизмов, жаргонизмов);

- грамматический пласт: характер языкового оформления (статусность частей речи; словооформительное маневрирование; типы опредмечивания, олицетворения и т. д.);

- стилистический пласт: характер выражения, фразировки (словотворчество; идиоматика, фразеологистика; апелляция к бытовизму, паремологическому, афористическому материалу, тропному слогу; ритмика; выстраивание стереобата «собственного голоса» (Н. С. Лесков) и т. д.)

По всему видно: лингвистическая семантика изучает правила языковой объективации мыслей вне их проекции на предметные реалии; интерес её занят способом выразительно-изобразительного представления.

Так, по семантике словоформ «мать – дочь» устанавливается: всякая мать была дочерью; не всякая дочь способна быть матерью. Утверждение: «мать “Х” (где “Х” – имя собственное, относящееся к конкретному лицу женского пола) не имеет дочери» по аналитической противоречивости ложно. Утверждение «мать “Х” (с той же атрибутикой) имеет дочь» на том же (тавтологическом) резоне истинно.

Сложнее с эпизодом коллизионного тезиса «король современной Франции лыс». Прямолинейная «текстовая» оценка влечёт однозначный вердикт: правильно построенное высказывание. Контекстуальная оценка влечёт уточнённое: как следует из принимаемого во внимание изложения, «король» – суть посаженный на воровском сходке лысый предводитель каморры – южно-итальянской местности по имени «Франция»; заявленный тезис истинен. Сверхтекстовая, за-контекстная оценка влечёт альтернативный вердикт: отнесение к знаниям о мире – экстралингвистическим реалиям – исключает возможность наличия в западноевропейском государстве – Франции – с республиканской формой правления, возглавляемом президентом, монаршей особы; заявленный тезис ложен.

Ещё сложнее выглядит дело в диспозиции лингвистически опосредуемого мыслотока в разных этноязыковых обществах. Строй языка навязывает правила концептуализации мира, формирует некую генеральную картину космоса, сцепленную с месторазвитием, которая не обладает чертами прозрачности, универсальности [7].

Коллизия выглядит едва не головоломкой в проекции рассуждений на культурно-историческую подкладку мыследеятельности. Здесь впору говорить о релятивизации уже не только этнолингвистической, но и национально-антропологической. Избегая пространности аргументирования, сошлёмся лишь на диверсифицированность категориальных дихотомий:

– «космос – хаос» в европейском ареале: по Г. Д. Гачеву, стройность мира во французском менталитете суть эффект баланса стихий, слаженности контрастирующего; для немецкого же менталитета естественно представлять не хаос вначале и космос потом, но сразу космос, план, целесообразность, строй как исконные [4, с. 65];

– «белое – чёрное»: в западной и восточной частях ойкумены цветовая оппозиция имеет диаметрально противоположное смысловое наполнение.

Было бы свехупрощением полагать, будто обозначенные нюансы версифицируются лингво-семантически.

Логическая семантика

Сходно с лингвистической логическая семантика трактует смысл по форме, характеру языковых выражений. Более конкретно – с позиций правил приписания значений переменным (системы интенциональной логики – Монтегю, Крессвел, Кокчнарелла, Галлин, Томасон, Доуги, Руж, Купер и др.; системы семантики возможных миров – Кангер, Джонсон, Тарский, Хинтиikka, Мередит, Прайор, Крипке и др.). Центрируется его величество «знаковое выражение», позволяющее выстраивать системы представления смыслов ресурсами интенционального языка (с формальным синтаксисом и формальной же семантикой), анализируемого аппаратом семантической теории категорий (Лесневский, Айдукевич, Котарбиньский и др.), апеллирующей к объектам в возможных мирах.

Проблема – какие сущности, онтологические присутствия осваиваются формальным языком – решается его понятийной сеткой. В построениях Фреге-Рассела кате-

гориальным ядром оказываются «имена» (собственные, индивидов), «высказывания». В построениях Лесневского категориальным ядром пребывают «общие имена» (в языках Фреге-Расселовского типа общие имена выступают одноместными предикатами). Общую (четырёх-разрядную) типологию языков с использованием теории семантических категорий предлагает Тарский.

Для наших целей архиважно подчеркнуть: во всех данных далеко идущих мероприятиях материей анализа являются синтаксически когерентные формулы языка и их самоотносительная (на базе истинностных значений) интерпретация. (Ламбек выстраивал исчисление категорий как сугубо синтаксическую теорию; по аналогичным лекалам организовывались позднейшие вариации – конструкции Дочена, Эммса, Моррили, Мортгата и др. Прецеденты организации «чистых» систем категорий по типу гегелевской в философии являли образчик банальной логомахии – Шептулин, Оруджев, Абдильдин и др.).

Логический подход к экспликации и фиксации «смысла» руководится высказанным Фреге весьма жёстким требованием: «В совершенной совокупности знаков (! – авт.) каждому выражению должен соответствовать лишь один определённый смысл...» [16, с. 27]. Трезво оценивая перипетии воплощения начала интенциональной однозначности в логической технике, правильно выдвинуть крайне осторожное суждение: ввиду необозримости вариантов соотнесения с конкретными именами конкретных смыслов, равно как невозможности полной и окончательной формализации данной процедуры (в первую очередь, где референция «сильно» влияет на смысл, а также – персонально значимых, личностно детерминированных точках соотнесения, индивидуальных уплотнениях, психологических, прагматических сгущениях) не удаётся выработать достаточно богатую исчислительную тактику логической реконструкции «смысла», не подменяемого «интенционалом».

Философская семантика

Лелеемое толкование «смысла» философской семантикой – претендующая на сущностное воспроизведение реалий идейно-содержательная конденсация, обособливающая когнитивные данности по признаковым концентратам: смысл суть что-тость вещей, полагаемая мыслью.

Если пользоваться математической лексикой, «смысл» есть образный компакт, по тесноте соединения видо-отличительных (различительных) групп, обладающий свойствами:

- замкнутости: включение всех своих предельных точек;

- ограниченности: на множестве смыслов E имеется фиксированный смысл M , такой, что для всякого $x \in E$ выполняется неравенство $|f(x)| < M$.

В статусном отношении смысловая функция – образная. Типологическая развёртка образного отношения к миру дана ранее [7]. Здесь утрируем статусное несовпадение образности как воспроизводительной (1) и вообразительной (2) формы [9].

(1) Воспроизводительная образность – конкретно-чувственная, визуализированная, эстетическая, получаемая мимезисом форма, технологически визируемая экфразисом – репродуктивно-материальным воссозданием.

(2) Вообразительная образность – абстрактно-мысленная, концептуализированная, ноэтическая, получаемая поэзисом форма, технологически визируемая эйдезисом – продуктивно-идеальным созданием.

Изделия (1) в качестве коррелятов имеют перцептивно данные конкретные; изделия (2) в качестве коррелятов имеют апперцептивно данные абстракты. Одни непосредственны – так или иначе сцепляемы с наглядно-созерцательным планом; другие – опосредствованы, так или иначе с таковым планом не сцепляемы (провальная кантовско-гуссерлевская фантазмагория категориального созерцания).

Поскольку (1) – безотносительны, тогда как (2) – относительны, задача обретения

«смысла» получает очертания трёхзвенной конфигурации.

(А) обследование (1) живым созерцанием с прямым выявлением содержания образно-аналоговой репрезентации.

(В) редукция (2) к (1) с нахождением адекватных репрезентирующих трансляций-корреспонденций.

(С) самостийное критико-аналитическое движение в (2) с сосредоточением мысли на его идее.

Характеризовать указанные гносеологические стратегии – дело трудное, громоздкое, в особенности принимая во внимание экстенсивно-ограниченный масштаб выполняемой работы; интенсивно – отсутствие в предмете исследования ясности ранней весны. От исторического многообразия, идейной несосредоточенности защищает кристаллизация понимания «зачем», укрощающая производимого веками необозримого «как».

Избирая указанную стратегию реагирования на безбрежный массив фактического в качестве безупречной, сжато выскажемся об (А–С); наши оценочные суждения коротко сводятся к следующему.

(А) Пафос платформы передаётся установлением некоего монолита Tatbestand, предусматривающего удостоверение мысленного вещным; ipso facto вводится эквиваленция – бинарное отношение (конгруэнция, подобие, изоморфизм, равномощность и т. п.), – отобразительно элементы смыслового множества по операции совпадения отождествляются с элементами предметного множества. Смыслы реифицируются.

Если брать элементарные лингвистические ситуации, с фонологической точки зрения слова «звучат» – произносятся тоном, а потому – «значат»; тон репрезентирует смысл. Ввиду прямых уловлений в речепроизводстве присутствия мягких / жёстких, громких / тихих, сильных / слабых, плавных / порывистых и т. п. звуков вплоть до криков, стонаний («плач Иереми») производится квалификация существа организации речи в диапазоне: безмятежность – отчаяние, радость –

горе, удовлетворение – негодование и т. д. В простейших казусах «смысл» доподлинно сводим к каким-то базовым ситуативно прозрачным приметам, если угодно, «семантическим примитивам». Но не всегда, не везде, не во всем.

Доктринально невозможно выполнить некую всеохватывающую звукопись, находя эквиваленцию в проекции множества звуков на множество языковых смыслов. Стихия языка не поглощается стихией звука. Тем более, беря в расчёт аспекты имитации, альтернации, аллюзии, стилизации, этнизаии (в силу которой, скажем, «идиллия» лишена национально элемента, ибо «слащавость» чужда русскому характеру¹) и др.

Если брать элементарные логические ситуации, имеется соблазн выстраивать рассуждения на весьма простых допущениях, воспринимаемых в «любое время» [12, с. 282–283] через призму здравого смысла.

С высот современности линия неких «заговорных» формулировок критики не выдерживает. Сошлёмся лишь на расшатывающую позиции здравого смысла аксиому выбора, имеющую негативный (антиномичный) фон аксиому свёртывания (выводимую в актуальном виде из состава основоположений в оформленной Цермело аксиоматической теории множеств – Z).

Аналогичный соблазн просматривается же в элементарных ситуациях экстенциональной замены. Преткновение в том, что правила замены равных действуют в тривиальных случаях полноценной языковой фиксации фактов. При адресации к смыслодержающим контекстам, зависимым от внеязыковых факторов, отождествление по экстенциональным показателям (с соблюдением равнообразности) невозможно: вмешиваются управляемые референцией связи («фон» личности – модальности, эпистемы, доксы, пересказы и т. д.)

Экстенциональные системы логики стройнее, но беднее интенциональных;

интенции на «изящность – обильность» в качестве локомоции деятельности регулируют бимодальное распределение исканий с тайной потугой добиться-таки замены смысловых значений предметными.

Устойчивое стремление замкнуть смысловые данности на наглядные предметные их корреляты – платформа Tatbestand, – словно вспышка света, озаряет философские семантические штудии, воплощается в пёстрый спектр уже охарактеризованных техник lux in tenebris:

- протоколы наблюдения, операциональные определения;
- бездоказательные «прозрачные» допущения (аксиомы, постулаты);
- ясновидческие узнания сущностей.

Не растекаясь мыслью по древу, отдадим дань гипнозу принципа «прозрачных практик», эксплуатация которого игнорирует очевидности. В науке, как жизни, достойное возвеличения девальвируется, денонсируется, демонтируется. Деструктивная линия данных «трёх Д» находит изящное поэтическое выражение:

Уходит вдаль с веками
То, что радовало взгляд².

Евклидова геометрия, ньютонова физика, канторова теория множеств, гильбертова программа формализации...

Уходит в никуда и то, что, казалось бы, никогда туда не может, не должно уходить. Чудесный миг озарения причастием счастьем, – и тот эфемерен!

Вспомним экзистенциальный апофеоз ставшего пилигримом Фауста:

И это торжество предвосхищая,
Я высший миг сейчас переживаю.
В предчувствии минуты дивной той
Я высший миг теперь вкушаю свой³.

² Гёте И. В. Фауст. Часть 54 / пер. Б. Пастернака // WorldArt: [сайт]. URL: http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=4538&public_page=54 (дата обращения: 10.08.2023).

³ Гёте И. В. Фауст. Часть 56 / пер. Б. Пастернака // WorldArt: [сайт]. URL: http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=4538&public_page=56 (дата обращения: 10.08.2023).

¹ Аксаков С. Т. Воспоминания // Аксаков С. Т. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1955. С. 121.

Высший миг, вкушаемый... на краю уже готовой могильной бездны?! Горчайшая досада! Разочарование!! Так – в жизни.

А в науке? Не обижает ли правда неразрешимости, невыполнимости, недосяжимости, нераспознаваемости, нераспределимости, неперечислимости, неалгоритмизируемости, несходимости, непараметризируемости, невычислимости, неопределённости, неуточнённой, некорректности? Не дезориентирует ли неумная требовательность к чёткости, стройности, строгости, однозначности, доказательности, ясности? Как быть с «континуумом», «тёмной материей», «трансцендентностью», «целесообразной организацией мира»?

Рельефно просвечиваемые контуры метатеоретической установки на прецизионность вполне понятны: апелляция к Tatbestand (в многогранных ветвлениях-переливах, модификациях-деривациях) нацелена на отсеивание фикций, оперативно обслуживает процедуру демаркации: разобщение науки – ненауки идёт по демонстративному удостоверению, питаемому участием самоосновных факторов: упрямых фактов, свидетельств здравого смысла, показаний обыденного опыта, адаптивных приёмов действия, эффективных технологий, привязки образов первоначальных понятий к свойствам, отношениям, взаимодействиям тел.

«Понятие» от «предмета» дистанцируется отвлечением – выправлением, выхолащиванием первичных, естественных, объективных качеств. Возникают смылосодержащие образосодержащие кальки.

Удаление из конкретных связей действительности «протяжения» с целью автономного освоения «размерности» формообразует геометрическое понятие «фигура»; позднейшие витки более мощных удалений-отвлечений обуславливают нарастание абстрагирования, влекут трансформацию «фигуры» в «пространство», «пространства» – в «многообразие». (Соответственная «мировая линия» абстрагирования очевидна в физике: от «тела» – к «материальной точке»; от неё

– к «фазовому пространству»; от него – к «многообразию»).

В случае обострения ностальгии по «настоящему» – «невыдуманному» реальному – снятию вопросов – что такое «воображаемая» (!) геометрия Лобачевского? что такое «гладкое многообразие» Римана, где задано «поле» со «связностью»? – реализуется когнитивный противоход с реставрацией эмпирической генеалогии базовых концептов.

Эпистемологически востребованность, полезность данного типа реконструктивного интеллектуального движения связана с развенчанием пустомыслия; напор спекуляций сдерживается плотной визуальной удостоверенностью. Иного не дано. В отсутствии проскопии спасают широкие, разносторонние возможности наиболее наглядных (хотя и неабсолютных – казус геоцентризма) способов поддержки идей; сведением образного к осязаемому, ментального к материальному обретается необходимый противовес внутреннему демонизму символотворчества.

«Прежде чем дать человеку крылья», искусство «ломает ему ноги»¹, – высказывает Чаплин. Воображение, не ломая ног, даёт человеку крылья. Однако же летать, не приземляясь, без остановки нельзя. Нужна опора, – требуются ноги, на которых можно стоять, выстаивать, разгоняться, чтобы затем – летать. Продуктивная способность самостийного «Я» (по расширяющему синтезу) производить представления из собственного самодвижения – редчайший божественный дар творчества; насколько же продуцируемые им порождения весомы, глубоки, состоятельны, – оперативно решается отсеиванием нелепых предположений в документальном подкреплении – в первую очередь сведением абстрактов и конкретам, интенционалов к экстенционалам, сем (семем) к реалемам, концептов к денотатам, смыслов к значениям.

¹ Чаплин Ч. Письмо Чарли Чаплина дочери Джеральдине // Дилетант: [сайт]. URL: <https://diletant.media/articles/35044008> (дата обращения: 10.08.2023).

(В) По неспособности подвести под смысловые креации более или менее надёжную «документальную» базу Tatbestand пользуются редукцией «вообразительно-го» к «воспроизводительному», прибегая к двоякого рода трансмиссиям (без участия не приспособленной к таким предприятиям логической семантики).

а) Первый тип трансмиссии лучше всего передаётся синтагматической линейкой: держать в поле интеллектуального зрения; не терять из виду; усматривать; обнаруживать; устанавливать; узреть; освобождать от покровов; обнажать; делать явным; раскрывать; разоблачать; показывать в истинном свете; сообщать открытость. Речь не о мистических исступительных техниках, не о впадении в экстаз (который Тиллих толковал как стояние вне себя); речь о типе интеллектуального созерцания, позволяющего в едином различать многое, упаковывая фрагментированное в цельную синкретичную картину.

Инструментально характеризуемое созерцание – специфичный герменевтический акт, свёрнутая интерпретация, крепящаяся на приёмах освоения антропоморфизируемой реальности в лице партиципации, синхронии, эмпатии, мультипликации и др.¹ и в качестве паушального эффекта влекущая «живое откровение». Как в посвящённых рукам Жанны-Мари строках Рембо:

Они в дугу сгибают спины,
Они добры, как светоч дня,
Они фатальнее машины,
Сильнее дикого коня².

Интригующее чувственно-сверхчувственное «видение» «верхних конечно-стей», запечатлевающее восторженный тёплый, искренний след, оставляемый в душе переживаемым.

¹ См.: Ильин В. В. Философия: учебник. М.: Проспект, 2019. 400 с.

² Рембо А. Руки Жанн-Мари // Мир поэзии: [сайт]. URL: <http://mirpoezylit.ru/books/5881/28> (дата обращения: 10.08.2023).

Момент интимно-исповедальной подлинности герменевтического (не экзальтированного) акта отрабатывает гносеология, вводящая установление истины (присущности сущему) по «усмотрению» (в редакции: окинуть взором, обследовать) – упоительным техникам «интроскопии» (Лейбниц); «фанероскопии» (Пирс); «чистого», «абсолютного» «переживания» (Гуссерль); «трансрационального» (Франк); «симпатического понимания» (Шпет) и др.

На смену холодной отчуждённости вещиности идёт горячая вовлечённость абсолютной субъективности, пробивание к которой, настаивал Гуссерль, конституирует «всё сущее в его смысле и значимости» [5, с. 265].

Кант отказывается от тематизации «воображения», полагая его источником выпуска беспредметных, пустых представлений. Гуссерль пытается фундировать продуктивную способность души воспроизведением «логонов» (абсолютной) субъективности. Последнее обслуживает череда редукций, подводящая к чаемому – мыследанному «так-бытию», которое опытным образом (!) интендируется, мыслится [20].

Нет необходимости критически разбирать всесторонне разобранное и раскрытированное. Важно подчеркнуть пафос: из рефлексии представления бытия сознанием имплицитно проясняется прозрачность представляемого сознанием бытия. Пафос отменен: пропитывание абстрактного конкретным, включение отстранённого от сущего в сущее; исполнение негодно: редуцированное к беспредметной трансцендентальности сознание не может быть «сознанием о», модусом существования которого выступает знание (соотносящееся с какой-то предметностью). (На фоне сказанного неубедительны феноменологические тезисы: чистая субъективность обладает (!) миром, придаёт ему «новые обличия» [5, с. 205]; движение в чистой субъективности открывает «совершенно новый вид опытного (! – авт.) познания, мышления, теоретизирования», где философствующий

методолог занимает позицию над (?? – авт.) своим естественным бытием (это – как? – авт.) и над (?? – авт.) естественным миром (это – где? – авт.)» [5, с. 205]. Своей открытой абсурдностью одно исключает другое).

б) Второй тип трансмиссии утрирует единство поискового познавательного строения: способом референциальной модели смысловая реальность (2) отображается в предметной реальности (1). Рабочей машиной является типика форм реификации абстракций, изменяющая модальность значимости. В немногих словах уточним инструменты опредмечивания компонентов духовности – способов иммерсивного перехода от *ens in mente* к *ens per se*.

Для начала подчеркнём: в принципиальном случае при необходимости прояснить смысл в гносеологии руководствуются принципом предметности. (В отличие от логики, руководствующейся принципом «несомненности». В формальном доказательстве количество аргументов отвечает императиву безусловности, – по аксиоме силлогизма $\frac{A \rightarrow X \rightarrow Y \rightarrow \dots \rightarrow Z \rightarrow C}{A \rightarrow C}$. Доказательством «суждения, – отмечает Есенин-Вольпин, – оказывается всякий честный приём, благодаря которому ... суждение становится неоспоримым» [6, с. 91]).

Экспликация смыслового наполнения абстракций в философской семантике производится проекцией информационно-образной базы на вещную. Подобное действо обслуживают технические приёмы двойного назначения, уточняющие как смысл, так и значение. В первом случае (смысл) поисковая динамика концентрируется в идеальном, во втором случае (значение) – в материальном ареале:

– атрибуция: поле смысла – введение образно-признакового состава (свойств); поле значения – введение вещественно-признакового состава, самого по себе диверсифицированного (существенное / несущественное; собственное / несобственное; случайное / необходимое; делимое / неделимое; общее / отличительное и т. п.), но субстанционального;

– предикация: поле смысла – наделение отношениями, выразительно – раз-

несение предметности по признакам (по Аристотелю) – рода (*genus*); вида (*species*); собственной (*proprium*), окказиональной (*accidens*) причастности; плюс (по Порфирию) видоразличия (*differentia*); в элементарных случаях – фиксации двухместных отношений *aRb*, в неэлементарных случаях – функций от *n* переменных; поле значения: наделение имён некоторой области предметной количественно-качественной определённости;

– эссенциализация: поле смысла – выделение идейной существенности; поле значения – выделение вещной существенности;

– реификация: поле смысла – внедрение идеальных реалей (эйдетических сущностей – воображаемых, виртуальных мнимостей, получаемых в абстракциях отождествления, экстраполяциях, антиципациях, асимптотизациях, идеализациях, генерализациях – фикций (предельные случаи, устремления), своеобразных функционалов познания – отображаемых на себя абстрактных многообразий); поле значения – овеществление, опредмечивание абстракций, проецируемых на комплексы не идеального, но материального царства;

– дескрипция: поле смысла – ментальная фиксация признаковой базы в терминах специальных символических языков; поле значения – визуальная фиксация признаковой базы в терминах факторегистраций, протоколов наблюдения;

– характеристика: поле смысла – информационно-аналоговая экспликация локально значимых отличительных черт; поле значения – процедурная их экспликация;

– интерпретация: поле смысла – наделение формальных выражений (записей, формул, исчислений) образными воплощениями (компоненты теоретической системы *S* сопоставляются с компонентами теоретической системы *S'*, т.е. *S* интерпретируется *S'*: каждому утверждению (формуле *F*) *S* ставится в изоморфное отношение утверждение (формула *F'*) *S'*); поле значения – наделение формальных выражений вещными воплощениями, в силу чего бинарные отношения *aRb* получают

не образную, но реификационную редактуру;

– моделирование: поле смысла – установление взаимосвязи (нахождение точек соотнесения) языковых выражений описываемым ими структурным отношениям (прецеденты Бельтрами, Клейна, Пуанкаре, демонстрирующие непротиворечивость гиперболической геометрии использованием псевдосферы, внутренних кругов, шара); поле значения – прямое соотнесение понятий (пространство образов – теории, системы, языковые каркасы) с отображаемыми ими вещами (пространство событий – в казусе геометрии Лобачевского – поверхности постоянной отрицательной кривизны).

Множество приёмов бинарного технологического исполнения дополняет множество приёмов унарного технологического наполнения, заточенных на конституирование исключительно предметного значения элементов образно-символической сферы. Здесь:

– отоологизация: придание бытийственности, перевод представлений в разряд сущностного (незфемерного) сущего (увязывание умопостигаемого с чувственно осязаемым);

– операционализация (инструментализация, метризация): фундаментализация абстракций эмпирически обозримыми техниками их деятельностного опробования, экспериментальными манипуляциями;

– объективация (субстантивация): перевод понятий из образно-символического модуса существования в вещно-природный существовательный модус (трансляция опосредованного в непосредственное – фундамент испытания, доказательства, проверки, удостоверения);

– верификация: эмпирическое выполнение теоретических схем, постулатов, конструкций с целью установления их адекватности ресурсом опытного оправдания (принципиально и потенциально не верифицируемые понятийные комплексы концептуально вирулентры – пусты);

– остенсивизация: радикальное исключение абстракций, лишение их самодовлеющего статуса «самосущего» как неких гипостазированных реалий непосредственной апелляцией к визуализируемому значению смысла (данной в живом созерцании фактуальной эквиваленции); замена идеальных типов материальными прототипами означает введение онтологических заместителей, перевод существования из пространства *in mente* в *in re*.

Всё вместе реализует полезную санацию впадающих в вообразительный произвол концептуализаций, теоретизаций, тематизаций, версификаций, протекающих как ничем не скованные, вольные, безотносительные упражнения интеллекта в самоизобретательстве, стержень которого – волюнтарная, гносеологически самовластная подмена возможного действительным в допущении ничем не оправданного «чистого» существования. По принципу ли свёртывания $\{X/\varphi_x\}$, по формуле ли Баркан (в модальной логике предикатов)

$$\Diamond \exists x P(x) \rightarrow \exists x \Diamond P(x).$$

(С) Сверхцель (В) – определять и определять мыслеток, уместать его в границы дозволенного. В невозможности трансляции, проекции смыслов на ареал крепких, чётко очерчиваемых значений («внешнее оправдание») довольствуются учётом особенностей доктринации предметной базы под углом зрения уяснения её перспективности, прогрессивности. В лексике Эйнштейна существо такого рефлексивного хода выражается сосредоточением внимания на индикаторах «внутреннего совершенства».

Достоинства теории – устанавливаются ли её достоинствами? Многое в мысли (как жизни) измеряется желанием: чем больше концептуально удовлетворённых желаний, тем больше мыслительного восторга; чем больше мыслительного восторга, тем больше счастья; чем больше счастья, тем больше согласия. Со всем, на всё. Даже и на прославление непрославляемого.

На данном основании гносеология требует наделять разум не крыльями – ги-

рями, ставить надёжный заслон бесчинствующей игре ума. Разгулу воображения.

Требование руководства «чистого» разума не случайно. Нужны сдержки, противовесы как предохранения, острастки, предотвращающие от производства бесплодных пустоцветов, пустотелой, пустопорожней, пустяковой, ничтожной мирины.

Как указывалось, схема (В) акцентирует визуализацию. Говоря откровенно, последняя (что выказала непредвзятая оценка тцаний эмпиризма, фактуализма, индуктивизма, ассоцианизма) процедурно сильна, тогда как эвристически слаба. Суть в том, что далеко не все (скорее всего, – большинство) концептуально плодотворные конструкции транслируемы в эмпирию.

Принцип наблюдаемости как демаркационное основание (различение науки / ненауки) хорош, но не всеяден: наука не избавляема от умозрений, сиречь комбинирования «чистыми» отрешённо-отчуждёнными смыслами, не имеющими предметных коррелятов (визуализируемых сущностей). Данный принцип в современном знании играет не столько конституирующую, сколько координирующую роль, проводя линию дополнительности физических облигаторных состояний в зависимости от условий (пространство – сила; координата – импульс; энергия – время) в границах неопределённости: $\Delta p_x \Delta x \geq \hbar$; $\Delta E \Delta t \geq \hbar$.

Как заявлять дар выделения смысловой значимости из результатов, получаемых проявлением воображительной спонтанности, действующей по превосхождению пределов опытно данной природы? Как квалифицировать смысловые доминанты без предметных воплощений?

Уяснением поисковой ценности. Опорная линия здесь – избыточность восходов и закатов теоретизирования, не получающего предметного удостоверения.

Предпосылочной канвой последующих рассуждений будет трёхвенная диспозиция.

(1) Отсутствие специфических идеаций (узрение, усмотрение, всматривание, вы-

сматривание), через сверхчувственные (категориальные, эйдетические, наличие коих не удалось обосновать ни Канту, ни Гуссерлю) созерцания наделяющих когнитальные сущности предметными значениями.

(2) Получаемые продуктивным воображением содержания ноэматичны; статусно выступая абстрактными сгустками атрибуций в возможных мирах, не имеют эстетических эквивалентов. Так, простейшая «точка» – лишённая размерности эфемерность – не допускает физикалистской, операционалистской визуализации; будучи «идеальным полем», она «мыслима».

(3) Вообразительный, генерируемый в качестве *liberae sunt nostae cogitationes* смысл как таковой не корреспондирует никакому образоподобному. Лексема «образ» (в прочтении и «живое», и «эйдетическое» созерцаемое) в обсуждаемом случае не релевантна; лучше пользоваться лексемой «идейное поле», играющей роль гносеологического функционала (обобщение абдуктивно вводимого отображения произвольной признаковой базы в сопредельные сферы).

Руководствуясь сказанным, подытожим: мыслительной локомоцией в (С) случае выступает имитационное конструирование с эвристическим рычагом: выстраиванием виртуальных реальностей в модусе *als ob*. Технически инновационные идейные поля выполняются сеткой относительно произвольных допущений по принципу сослагания «что, если». Так, пополнение евклидовой плоскости (пространства) бесконечно удалёнными (несобственными) элементами – по обусловливанию (!) – влечёт пересечение в них любых (и параллельных) прямых во вновь образуемом проективном многообразии.

Проективная геометрия – содержательный дериват воображительного (!) расширения, перехода на иной сектор обзора: вследствие обогащения умственного рассмотрения бесконечно удалёнными (не визуализируемыми!) элементами развёртываются проективные преобразования (отображение проективной плоскости

(пространства) в себя), возникают приложени-
я (гомология, центральное проекти-
рование). (Прямая аналогия с ситуацией
в художественном опыте, развязывающем
безусловную – ничем не скованную – сво-
боду переводом мыслотока в модальность
als ob. Вспомним Пушкина:

Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несёт,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждёт?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орёл, тяжёл и страшен,
На чёрный пенё? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет (! – авт.) закона.
Гордись: таков и ты поэт (творец! – авт.),
И для тебя условий (! – авт.) нет¹.

Закон творчества – мыслительно-вооб-
разительный произвол!

Возможно ли наладить категориальное,
эйдетическое созерцание несобственных то-
чек, прямых, отменяющих параллельность?

Вопрос риторический. Убеждение в на-
личии идеации – разглядывание сущности
умственным взором – нельзя воплотить в
форме гносеологически полноценной точ-
ки зрения. Эйдетическая эссенциальная
«очевидность» – косный теоретико-позна-
вательный идол.

Рефлексивная, критико-аналитическая
квалификация креативных имажинаций
проводится исследованием внутренней ар-
хитектуры – конституции, конфигурации,
композиции, оценкой перспективности
модельно-модальных поисковых инициа-
тив. Первенство отдаётся введению компа-
ративов, учитывающих:

1. Строение, соотношение, взаимное
расположение частей в целом с позиций
оптимальности, результативности, дости-
жимости.

¹ Пушкин А. С. Езерский // Александр Пушкин:
[сайт]. URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/ezerskij.htm> (дата обращения: 10.08.2023).

В литературе отчётлива тенденция: «из-
ящность при краткости, точности, откры-
тости». Адресуемся к:

– Гийому де Лоррису, Жану де Мёну –
авторам средневекового «Романа о Розе»:

Успех имеет настоящий
Её (красы – авт.) подруга – Простота.
Была и третья здесь сестра,
Ей храбрость добавляет ценность,
Ей имя было – Открытость².

– Сумарокову: «... многоречие свой-
ственно ... скудоумию ... Быстрота разума
слов берёт по размеру мыслей и не имеет в
словах ни излишества, ни недостатка»³;

– Пушкину: «Должно бы сказать: рано
поутру – а ... пишут: Едва первые лучи
восходящего солнца озарили восточные
края лазурного неба – ах как это всё ново
и свежо, разве оно лучше только, что длин-
нее»; «точность и краткость – вот первые
достоинства прозы. Они требуют мыслей,
без них блестящие выражения ни к чему не
служат»⁴;

– Чехову: «Чем короче, тем лучше»⁵;
«чем теснее ... компактнее, тем вырази-
тельнее и ярче»⁶.

Индикаторам, позволяющим соот-
носить изображаемое с выражаемым,
Биркгоф пытался сообщить количествен-
ную детализацию – вводил эстетическую
меру (М) как частное от деления меры упор-
ядоченности (О) на меру сложности (С):
 $M = \frac{O}{C}$ [18].

Здесь, правда, – комплекс технических
трудностей: как толковать меры упоря-
доченности, сложности; какими показа-

² Лоррис Г. де, Мён Ж. де. Роман о Розе. М.: Героика
и спорт, 2007. С. 43.

³ Сумароков А. П. Письмо об остроумном слове // Сумароков А. П. Полное собрание сочинений. Т. 10. М.: Университетская типография, 1787. С. 370.

⁴ Пушкин А. С. О русской прозе // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Критика и публицистика. М.: Гослитиздат, 1962. С. 27.

⁵ Чехов А. П. Письмо Чехову Ал. П., 17 или 18 апреля 1883 г. Москва // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 1. М.: Наука, 1974. С. 63.

⁶ Чехов А. П. Е. П. Гославскому // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 8. М.: Наука, 1977. С. 171.

телями их измерять? как исчислять? как проводить метризацию: «эстетическое» – нечто «качественное», тогда как «мера эстетического» – нечто «количественное», между которыми не может быть лобовой корреляции. Не говоря о трудностях методологических, метатеоретических, о чём хорошо у Степуна: «Делая эстетическую эмоцию методом постижения дискурсивной истины, мы губим ценность теоретического знания, делая дискурсивное мышление методом художественного восприятия, мы губим ценность эстетического творчества» [15, с. 68].

В логике отрабатываются методы решения единого класса задач (алгоритмы) строятся аксиоматики, проводятся исследования непротиворечивости, полноты, независимости, разрешимости, выводимости компонентов формальных систем, формальных систем в целом.

В философии (гносеологии, методологии) предлагаются качественные и количественные критерии плодотворной организации знания¹.

Только один пример. Современные платформы наилучшей композиции физики артикулируются в терминах оптимального сочетания базисных идей: хроногеометрия, частицы, поля. Регулятором образования единств выступает минимальность отправных допущений. Полагается: трёхосновность избыточна; вариации складываются выборкой двух начал. Намечаются проекты:

(1) частицы – поля: модели суперсимметричных преобразований (между фермионными и бозонными волновыми функциями); суперструны, супермембраны;

(2) хроногеометрия – поля: геометродинамика – модели Энштейна-Уилера, Калуцы-Клейна;

(3) хроногеометрия – частицы: модели прямого межчастичного взаимодействия Фоккера-Фейнмана, Кулакова.

Радикальная минимализация оснований уготовливает переход на монистиче-

скую платформу «Холон» (whole – hole): вакуум – хроногеометрия [3].

2. Прагматику. Гипотеза Праута (сложность строения атомов химических элементов, образованных конденсацией атомов водорода) в отсутствии опытного подтверждения поддерживается соображениями практической пригодности.

3. Когеренцию. Согласуемость тезисов (положений, утверждений, допущений) с фундаментальными законами, капитальными устоями тезауруса. В более широком контексте – связность пробных установлений с установлениями базисного знания (Basic Knowledge – BK), базового консенсуса (Basic Consensus – BC) относительно прочных, инвариантных комплексов научной картины мира (НКМ).

Согласуемость любого (и неподтверждённого, но эвристичного) знания с комбинацией BK + BC – достаточное основание его принятия по вписываемости в фации [8].

Сошлёмся на принцип Понселе: если одна фигура непрерывным образом получается из другой, свойства первой переносятся на вторую. Интересный, качественный принцип, не имеющий строгой формальной редакции; принимается без обоснования (как, скажем, и тезис кратности отношений Дальтона).

В опытном знании оправдание выказывающих перспективность смыслов идёт на расширении интервала доверия, невзирая на такую «мелочь», как противоречие фактам: Шрёдингер сформулировал основное уравнение нерелятивистской квантовой механики, вступающее в пике с опытными данными; противоречие игнорировалось ощущением хороших видов на будущее, что впоследствии подкрепилось учётом собственного момента количества движения микрочастицы – спина.

4. Систему отсчёта. «Тому, кто намерен приобрести знания посредством доказательства, следует не только больше знать начала и считать их более достоверными, чем доказываемое из них, – отмечает Аристотель, – но для него ничто другое не должно быть более несомненным и более известным, чем то, что противоположно

¹ См.: Ильин В. В. История и философия науки: учебник. М.: Проспект, 2019. 336 с.

началам» [1, с. 184]. В согласии с творческим десижионизмом недоказуемые начала принимаются по иницилирующей силе.

Показательна в данном отношении динамика космологических идей.

(а) в архаичной кинематике, игнорирующей роль центрального тела, отрабатывался триумвират:

– геоцентризм (Гиппарх с впоследствии поддержавшим его Птолемеем);

– гелиоцентризм (Аристарх с впоследствии поддержавшим его Коперником);

– бицентризм: центр «солнечной» планетарной системы – Земля с обращающимися вокруг него Солнцем и обращающимся вокруг него планетами «солнечной» системы (Герклид Понтийский с впоследствии поддержавшим его Тихо Браге);

(б) ревизия архаичного гелиоцентризма Кеплером (замена круговых траекторий эллиптическими), Ньютоном (перевод рассмотрения из кинематической плоскости в динамическую – полноценная количественная демонстрация преимуществ гелиоцентризма учётом роли более массивного центрального тела);

(с) ревизия опытно обоснованного гелиоцентризма Кеплера – Ньютона Гершелем, сместившим сектор обзора с солнечной на галактическую систему;

(д) расширение системы Гершеля Хабблом переходом от Галактики к Метагалактике;

(е) расширение линии Хаббла переходом от Метагалактики к Супергалактике. Etc.

С позиций философской семантики динамика смысловых ресурсов подчинена тройкой тенденции: с одной стороны, преодолению планетарного локализма; с другой стороны, синхронизации обстановки в макро- и мегамире (учитывая квантово-механическую парадигму, актуализируется унитаризация микро-, макро-, мегаотсеков сущего в единой теории поля); с третьей стороны, дискредитации узколобого антропоцентризма (Земля не уникальна, одна из планет; Солнце не уникально – одна из звёзд; галактика не уникальна – фрагмент множества метагалактик; гиперболизация вселенского антропоцентризма не оправ-

дана). (В данной категориальной сетке геоцентричность антропного принципа (АП) толкуется с позиций телеологичности нашего космолокала, не имеющего (в своей выделенности) дискурсивного объяснения).

В качестве регулятива «текущих» рассуждений «система отсчёта» сдерживает неуёмный фанатизм инноватики, вводит фиксированные интервалы реальности, задающие потенциальную осмысленность о них утверждаемого.

Так, в науке (да и философии, отказывающейся от концептуализации безграничного «мира в целом») оконтуривается предметно обозримый слой сущего, вводящий постулаты осмысленности. (Те же законы сохранения теряют силу в проекции на универсум, как таковой [21]).

В неспособности руководствоваться явной системой отсчёта состояние когнитивной несосредоточенности, как в казусе атрибутики временного ряда, а именно: фундаментальные естественнонаучные законы (закон сохранения энергии) вводятся в предположении временной инверсии, что рассогласуются с повседневным (макро)опытом человечества, навязывающим идеологию временной анизотропии. (Некую модель разрешения коллизии даёт Чернавский, диверсифицируя свойства энергии [13, с. 39]).

5. Целеустремления. Система генеральных интенций дальнего порядка, преобладающих формообразовательную определённости мыслетока.

Применительно к литературному процессу весьма тонкие зависимости анонсирует Тынянов. Здесь правила:

– смены художественных систем (чередование мотивированности – немотивированности);

– циклики стилей;

– единства и тесноты стихотворного строя (ритмика);

– отличия стиха от прозы (центровка звучания – значения);

– динамической смены жанров (отсутствие жёсткой иерархии в связке «центр – периферия»);

– нарушение равновеликости элементов сцепки «форма – содержание» (подвижность конструктивной организации целого утративанием ведущей роли того или другого компонента категориальной альтернативы) [14].

В логике очевидна смена базовых ориентаций поиска по вектору «строгость – богатство» выразительности формальных систем: творческие дихотомии формализм – интуиционизм; номинализм – реализм; эстенсиональность – интенциональность.

Философия проявляет щепетильность по части духоподъёмности смыслообразующих интерпретативных рам. В прояснение мысли оттолкнёмся от реальной коллизии современной картины мира.

Общезвестны «аномальные» свойства воды:

- пребывание во всех агрегатных состояниях;
- зависимость удельного объёма от температуры;
- низкая вязкость, уменьшаемая с давлением (у других веществ – наоборот);
- высокие гидратирующие, растворяющие способности;
- особенности поверхностного натяжения, сжимаемости, диссоциации и т. п.

Вопросы: какова генеалогия необычных свойств воды, какова роль гидросферы в геоморфогенезе (вода занимает около 70% поверхности Земли), оформлении земной модификации (хотя иное неведомо) жизни (65% человеческого тела состоит из воды) и т. п., [2, с. 167] – пока (!) безответны.

Молчание общей химии проблематизирует капитальную рамочную диспозицию: проработка интригующей сюжетики вокруг воды составляет ли компетенцию науки? Малейшие сомнения на сей счёт влекут эрозию чёткости демаркации *наука – ненаука*. Самое элементарное – подписаться под линией «фидеизм»: причина счастливой аномальности воды – «подарок свыше». (Что чисто концептуально – отрешённой воображительной генерацией смыслов – усиливается «точным» алгебраическим «доказательством» бытия Божия, над которым раздумывал Мопертюи и прямо

предлагал Эйлер, отсылая Дидро к сакраментальной записи $\frac{a+b^n}{n} = x$. Dixi! Хотя наука не решает проблем веры.) Но тогда что такое натурализм, объективизм, реализм, эволюционизм, естественно-историческая трактовка фактуры? Где научное знание с эссенциально-номологическим, а не бутафорско-декоративным? Как ни крути, – это точно не случай *miscere utile dulci*.

Заключение

Третьейский судья в подобных случаях – гносеологическая рефлексия общей природы изучаемых явлений, в отношении которой две взаимоисключающие ценностные позиции.

Одна – негативная (по вопросу сущности «числа» артикулированная Курантом): проблема, что «представляют собой числа, касается больше философа, чем математика, и является предметом ... философских исследований. Математика ... не нуждается ни в каком предварительном теоретико-познавательном исследовании ... сущности ... числа» [11, с. 21].

До Куранта в эстематичной стилистике подобную же мысль выражал Кронекер: целые числа создал господь Бог (в согласии с чем какие бы то ни было философские рефлексии исключаются), всё остальное (какое? – авт.) дело рук человеческих.

Прямо скажем, соображения странные тем более на фоне специальных изысканий о свойствах числовой реальности Эйлера, Гаусса, Дедекинда, Кантора, Цермело, Неймана, Эрмита, Лузина, Литлвуда, Гельфонда, Линника и др.

Другая – позитивная, для общего места артикулированная Даламбером: «... нет науки, которая не имела бы своей метафизики, если под этим понимать всеобщие принципы, на которых строятся ... учения и которые являются зародышами всех истин, содержащихся в ... учении и изучаемых им» [19, с. 253]. И повторённая Эйлером: всякая наука имеет свою метафизику [17, с. 43, 267].

Последнее воплощается в принятии решений с далеко идущими последствиями о субстантивности изучаемого: в мате-

матике – что такое бесконечность, число, множество, континуум и т. д.; в естество-, общественности – что такое пространство, время, движение, инерция и т. д.; в антропологии, гуманитаристике – что такое человек, общество, история, культура и т. д.

Небольшое рельефное свидетельство. Предлагавший исчисление флюксий (пробораз дифференциального и интегрального исчисления) Ньютон столкнулся с необходимостью семантизировать «первые» и «последние» отношения. Одни – «едва-едва зарождающиеся», другие – «только-только исчезающие». Речь – о концептуализации «бесконечно малых количеств», представляющих почти «ничто». В какой понятийной сетке тематизировать «почти ничто», Ньютон толком не знал.

На технические сложности его метода обращал внимание Карно: эвристика

Ньютона «имеет тот большой недостаток, что количества рассматриваются в состоянии, когда они, так сказать, перестают быть количествами», становясь «ничем» [10].

С высот наших дней очевидно: проблеме смысла флюксий в адекватном виде Ньютон не разрешил. Разрешилась она разработкой дифференциального исчисления, теории пределов, математического анализа, комбинирующих точными концептами – непрерывность, производная, приближение, близость, интегральная сумма, направление, сумма ряда, внутренняя сходимость последовательности (Эйлер, Даламбер, Карно, Бернулли, Коши, Больцано, Вейерштрасс, Куммер и др. вплоть до Картана).

Статья поступила в редакцию 06.09.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Аналитики первая и вторая / пер. Б. А. Фохта. Л.: Госполитиздат, 1952. 439 с.
2. Булгаков С. Н. Два града: исследование о природе общественных идеалов. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2002. 587 с.
3. Владимиров Ю. С. Метафизические истоки противостояния науки и религии // Два града. Диалог науки и религии. Калуга: Издательство Н. Бочкаревой, 2002. С. 290–304.
4. Гачев Г. Д. Наука и национальные культуры. Ростов-н/Д.: Ростовский университет, 1992. 316 с.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2004. 400 с.
6. Есенин-Вольпин А. С. Ко второй проблеме Гильберта // Проблемы Гильберта. М.: Наука, 1969. С. 83–91.
7. Ильин В. В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М.: Московский университет, 2013. 384 с.
8. Ильин В. В. Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания. М.: Гаудеамус: Академический проект, 2014. 203 с.
9. Ильин В. В. Теория познания. Эвристика. Креатология. М.: Проспект, 2018. 176 с.
10. Карно Л. Размышления о метафизике исчисления бесконечно малых / пер. Н. М. Соловьева. М.; Л.: Объединённое научно-техническое издательство, 1936. 352 с.
11. Курант Р. Курс дифференциального и интегрального исчисления / пер. З. Г. Либина, Ю. Л. Рабинович. М.: Наука, 1967. 407 с.
12. Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 312 с.
13. Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве / сост. В. А. Копчик. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 495 с.
14. Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция: избранные труды. М.: Аграф, 2002. 496 с.
15. Степун Ф. Лики культуры. М.: Юрист, 1994. 704 с.
16. Фреге Г. Избранные работы / сост. В. В. Анашвили, А. Л. Никифоров. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. 159 с.
17. Эйлер Л. Механика. Основы динамики точки / пер. В. С. Гофмана, С. П. Кондратьева. М.; Л.: Объединённое научно-техническое издательство НКТП СССР, 1938. 499 с.
18. Birkhoff G. D. Aesthetik Measure. Cambridge: Harvard University Press, 1932. 226 p.
19. Alembert D'. Mélanges de littérature, d'histoire, et de philosophie. Berlin: Paris; Briasson, 1753. 364 p.

20. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen (Philosophie Husseriana. Bd. III. Den Haag). Berlin: Springer, 1977. 533 p.
21. Wheeler J. A. From Relativity to Mutability // The Physicist's Conception of Nature. Dordrecht: Boston: Springer, 1973. P. 202–247.

REFERENCES

1. Aristotle. *Analytica Priora* (Rus. ed.: Foht. B. A., transl. *Analitiki pervaya i vtoraya*. Leningrad, Gospolitizdat Publ., 1952. 439 p.).
2. Bulgakov S. N. *Dva grada: issledovanie o prirode obshchestvennykh idealov* [Two Cities: A Study of the Nature of Social Ideals]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2002. 587 p.
3. Vladimirov Yu. S. [Metaphysical Origins of the Confrontation between Science and Religion]. In: *Dva grada. Dialog nauki i religii* [Two Cities. Dialogue between Science and Religion]. Kaluga, N. Bochkareva Publ., 2002, pp. 290–304.
4. Gachev G. D. *Nauka i nacional'nye kul'tury* [Science and National Cultures]. Rostov on Don, Rostov University Publ., 1992. 316 p.
5. Husserl E. G. Die Krisis Der Europaischen Wissenschaften Und Die Transzendente Phanomenologie (Russ. ed.: Sklyadnev D. V., transl. *Krizis evropejskikh nauk i transcendental'naya fenomenologiya*. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2004. 400 p.).
6. Esenin-Vol'pin A. S. [To the Second Hilbert Problem]. In: *Problemy Gil'berta* [Gilbert's Problems]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 83–91.
7. Ilyin V. V. *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form* [Theory of Knowledge. Symbolology. Theory of Symbolic Forms]. Moscow, Moscow University Publ., 2013. 384 p.
8. Ilyin V. V. *Teoriya poznaniya. Social'naya epistemologiya. Sociologiya znaniya* [Theory of Knowledge. Social Epistemology. Sociology of Knowledge]. Moscow, Gaudeamus Publ., Akademicheskij proekt Publ., 2014. 203 p.
9. Ilyin V. V. *Teoriya poznaniya. Evristika. Kreatologiya* [Theory of Knowledge. Heuristic. Creatology]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 176 p.
10. Carnot L. Lazare Réflexions sur la métaphysique du calcul infinitésimal (Rus. ed.: Solov'ev N. M., transl. *Razmyshleniya o metafizike ischisleniya beskonechno malyh*. Moscow, Leningrad, United Scientific and Technical Publ., 1936. 352 p.).
11. Courant R. Vorlesungen über Differential- und Integralrechnung (Rus. ed.: Libin Z. G., Rabinovich Yu. L., transl. *Kurs differencial'nogo i integral'nogo ischisleniya*. Moscow, Nauka Publ., 1967. 407 p.).
12. Lukasevich Ya. *Aristotelevskaya sillogistika s tochki zreniya sovremennoj formal'noj logiki* [Aristotelian Syllogistic from the Point of View of Modern Formal Logic]. Moscow, Foreign Literature Publ., 1959. 312 p.
13. Kopicik V. A., compl. *Sinergeticheskaya paradigma. Nelinejnoe myshlenie v nauke i iskusstve* [Synergetic Paradigm. Nonlinear Thinking in Science and Art]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2002. 495 p.
14. Tynyanov Yu. N. *Literaturnaya evolyuciya* [Literary Evolution]. Moscow, Agraf Publ., 2002. 496 p.
15. Stepun F. *Liki kul'tury* [Faces of Culture]. Moscow, Yurist Publ., 1994. 704 p.
16. Frege G. Selected Works (Rus. ed.: Anashvili V. V., Nikiforov A. L., comps. *Izbrannye raboty*. Moscow, Dom intellektual'noi knigi Publ., 1997. 159 p.).
17. Euler L. *Mechanica, sive Motus scientia analytice exposita. Theoria motuum planetarum et cometarum* (Rus. ed.: Gofman V. S., Kondrat'ev S. P., transl. *Mekhanika. Osnovy dinamiki tochki*. Moscow, Leningrad, United Scientific and Technical Publishing House of the NKTP USSR Publ., 1938. 499 p.).
18. Birkhoff G. D. *Aesthetic Measure*. Cambridge, Harvard University Press, 1932. 226 p.
19. Alembert D'. *Mélanges de littérature, d'histoire, et de philosophie*. Berlin, Paris, Briasson, 1753. 364 p.
20. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen (Philosophie Husseriana. Bd. III. Den Haag). Berlin, Springer, 1977. 533 p.
21. Wheeler J. A. From Relativity to Mutability. In: *The Physicist's Conception of Nature*. Dordrecht, Boston, Springer, 1973, pp. 202–247.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ильин Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: vvilin@yandex.ru

Кокоева Ирина Александровна – ассистент кафедры непрерывного образования Центра повышения квалификации и профессиональной переподготовки Государственного университета просвещения;
e-mail: Kokoevaia@mail.ru

Родин Павел Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: pn_rodin@mail.ru

Шимко Алексей Владимирович – ассистент кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения;
e-mail: ashimko83@gmail.com

Яловенко Яна Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных наук Калужского филиала Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана;
e-mail: yana2307@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktor V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy, State University of Education;
e-mail: vvilin@yandex.ru

Irina A. Kokoeva – Assistant, Department of Continuous Education of the Center for Advanced Training and Professional Retraining, State University of Education;
e-mail: Kokoevaia@mail.ru

Pavel N. Rodin – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Philosophy, State University of Education;
e-mail: pn_rodin@mail.ru

Alexey V. Shimko – Assistant, Department of Constitutional and Civil Law, State University of Education;
e-mail: ashimko83@gmail.com

Yana V. Yalovenko – Cand. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Department of Social Science, Kaluga Branch of Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: yana2307@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Семантическая процедура: установление поля смысла. Статья II / В. В. Ильин, И. А. Кокоева, П. Н. Родин, А. В. Шимко, Я. В. Яловенко // Современные философские исследования. 2023. № 4. С. 19–35.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-19-35

FOR CITATION

Ilyin V. V., Kokoeva I. A., Rodin P. N., Shimko A. V., Yalovenko Ya. V. Semantic Procedure: Setting the Value Field. Article II. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 4, pp. 19–35.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-19-35